PG
2013
A65
vol.33
1884

Sbornik

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie
russkogo iazyka i slovesnosti.

33

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюль, 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Извлеченія изъ протоколовъ Императорской Академіи Наукъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности:

Сентябрь — декабрь 1883 г. I

Публичное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности 21 октября 1883 года III

Рѣчь о дѣятельности Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова IV

Отчетъ о соисканіи премій А. С. Пушкина въ 1883 году... XVII

Привѣтствія Отдѣленію по поводу столѣтней годовщины основанія Россійской Академіи XIX

Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ, съ некрологомъ И. С. Тургенева. Составленъ и читанъ М. И. Сухомлиновымъ ..... № 1. 1 — 46

Приложеніе. Воспоминаніе объ А. Е. Викторовѣ. А. Ѳ. Бычкова ..... 46 — 53

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премій въ 1883 г. съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей. (Съ тремя литограф. таблицами). И. В. Ягича. № 2. 1—191

I. Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ ..... 7— 35

II. Древле-славянская псалтирь Сумоновская до 1280-го года ..... 36— 73

III. Четвероевангеліе Галичское 1144 года, сличенное съ древле-славянскими рукописными евангеліями, съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835. Трудъ архимандрита Амфилохія ..... 74—102

СТРАН.

IV. *А.* О подложности отрывковъ глаголическихъ такъ-называемаго Реймскаго евангелія и о ключѣ къ глаголическому письму, статья напечатанная о. Амфилохіемъ въ «Дополненіи къ галичскому служительному четвероевангелію», на стр. 145—178.

Б. Къ вопросу о славянской азбукѣ, статья проф. В. Миллера напечатанная въ Журналѣ министр. народ. просвѣщенія 1884, Мартъ, стр. 1—35.

В. Die albanesischen und slavischen Schriften. Von Dr. Leopold Geitler, mit 25 phototypischen Tafeln. Wien. 1883.. 103—191

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1794—1884). Сообщилъ П. Тихановъ. ..... № 3. 1— 98

Записная книжка Гнѣдича..... 47

Свѣдѣнія о службѣ и литературныхъ трудахъ Гнѣдича..... 79

Изъ переписки Гнѣдича..... 83

Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота..... № 4. 1—339

Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ..... № 5. 1—280

Указатель къ XXXIII тому Сборника..... 1— 29

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — декабрь 1883 г.

Доложено (3 сентября) о послѣдовавшей въ недавнее время кончинѣ двухъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія: А. Е. Викторова въ Пятигорскѣ и И. С. Тургенева въ Парижѣ. Въ виду ожидаемаго общаго участія ученыхъ учрежденій въ отданіи послѣдней чести знаменитому русскому писателю, котораго погребеніе должно вскорѣ послѣдовать, всѣ наличные члены Отдѣленія выразили намѣреніе присутствовать на ономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено предложить въ Общемъ Собраніи, не будетъ ли сочтено приличнымъ, чтобы и отъ другихъ двухъ Отдѣленій были на погребеніи представители.

Читано отношеніе управляющаго Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія на имя академика Грота съ препровожденіемъ присланнаго командированнымъ за границу магистромъ Владиміромъ Качановскимъ рукописнаго сборника памятниковъ болгарскаго народнаго творчества. По порученію Отдѣленія академикъ Ягичъ принялъ на себя трудъ разсмотрѣть этотъ сборникъ.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ составленную имъ, по порученію Отдѣленія, записку о значеніи и дѣятельности Россійской Академіи. По выслушаніи этой записки Отдѣленіе просило Михаила Ивановича прочесть ее въ публичномъ засѣданіи, имѣющемъ быть 21-го октября въ воспоминаніе дня открытія Россійской Академіи сто лѣтъ тому назадъ. При этомъ же случаѣ положено объявить заключеніе комиссіи, разсматривавшей труды представленные на второй конкурсъ Пушкинскихъ премій, о присужденіи медалей тропмъ изъ постороннихъ рецензентовъ этихъ трудовъ: гг. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и П. И. Вейнбергу.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ приготовляетъ къ печати извлеченную изъ его «Филологическихъ Разысканій» справочную книгу по русскому правописанію, которую желаетъ сообщить на обсужденіе сочленовъ, съ тѣмъ чтобы по взаимномъ соглашеніи въ подробностяхъ, она могла быть издана отъ имени Отдѣленія. Положено приступить къ чтенію этого труда въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Въ засѣданіи 27-го октября академикъ Гротъ доложилъ, что имъ отъ имени Отдѣленія разосланы благодарственныя телеграммы тѣмъ учрежденіямъ, которыя по случаю памятованія столѣтія Россійской Академіи почтили Отдѣленіе своими привѣтствіями, къ которымъ на другой день послѣ собранія присоединилась еще депеша отъ Этнографическаго и Антропологическаго Отдѣловъ московскаго Общества любителей естествознанія, подписанная ихъ предсѣдателями: Вс. Миллеромъ и Анат. Богдановымъ.

Читано полученное изъ Ростова (Ярослав. губ.) приглашеніе особой комиссіи членамъ Отдѣленія прибыть туда на открытіе такъ называемой «Бѣлой Палаты», съ которымъ связано предположеніе учредить Музей церковныхъ древностей. Положено въ день открытія, 29-го октября, выразить комиссіи сочувствіе Отдѣленія съ пожеланіемъ успѣха предпринимаемому дѣлу.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ приготовленное имъ для печати продолженіе изслѣдованія его о русскихъ былинахъ, которое и положено напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

По поводу предстоящихъ: 1) открытія въ Прагѣ 6 (18) ноября возобновленнаго народнаго театра, и 2) юбилея Миклошича въ день 8 (20) того же мѣсяца, когда ему исполнится 70 лѣтъ, положено отправить въ эти дни въ Прагу и въ Вѣну поздравительныя телеграммы отъ имени Отдѣленія.

Присутствовавшій въ засѣданіи Отдѣленія, по приглашенію онаго, академикъ А. А. Куникъ прочелъ составленную имъ записку объ изданіи краткаго алфавитнаго каталога книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихся въ I Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ Отдѣленіе вполнѣ одобривъ предположеніе А. А. Куника, опредѣлило: по изготовленіи имъ означеннаго каталога напечатать оный въ Сборникѣ и отдѣльно.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ 21 ОКТЯБРЯ 1883 ГОДА [1]).

Въ пятницу, 21-го октября, въ часъ по полудни, въ больш о конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ, въ воспоминан і дня открытія Россійской Академіи, состоялось въ присутствіи многочисленной публики торжественное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ этотъ день ротонда, у которой на нѣкоторомъ возвышеніи находятся мѣста президента, вице-президента и каѳедра, — была убрана рѣдкими образцами тепличныхъ растеній. Среди этой зелени на подставкахъ красовались бѣлыя мраморныя изваянія: Петра I, Екатерины II и Александра I. Портретъ Государя Императора Александра III Александровича находится на стѣнѣ, надъ мѣстами академиковъ, съ правой стороны отъ публики. Прочія стѣны украшены портретами прежде царствовавшихъ императоровъ и императрицъ. Вся зала была занята рядами креселъ и стульевъ. Въ часъ дня она была переполнена публикою обоего пола; очень много лицъ, за неимѣніемъ мѣстъ, стояло. Между высокопоставленными лицами находились: министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, адмиралъ С. А. Грейгъ, баронъ Николаи, тайные совѣтники: Н. И. Стояновскій, П. Н. Батюшковъ, И. П. Корниловъ и много другихъ знатныхъ особъ, какъ высшихъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Д. А. Толстой занялъ свое президентское кресло. По правую его руку помѣстился вице-президентъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. Я. Буняковскій, по лѣвую — пред-

---

[1]) Перепечатывается изъ *Правительственнаго Вѣстника* 22-го октября, № 232.

сѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Я. К. Гротъ. По обѣимъ сторонамъ президентскаго мѣста за столами размѣстились академики. Членъ Отдѣленія, академикъ М. И. Сухомлиновъ, взойдя на каоедру, произнесъ слѣдующую

Рѣчь о дѣятельности Россійской Академіи.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ основано учено-литературное общество, получившее знаменательное названіе *Россійской Академіи*. Учредительный актъ подписанъ императрицею Екатериною II 30-го сентября 1783 года; открытіе и первое собраніе Россійской Академіи происходило 21-го октября 1783 года. Смыслъ и дѣятельность каждаго учрежденія, имѣющаго разумное право на существованіе, опредѣляются тѣми условіями, среди которыхъ оно возникло и которыя, въ свою очередь, создаются умственною и общественною жизнію страны.

Учрежденіе Россійской Академіи не было простою случайностью. Оживленный разговоръ о русской литературѣ между двумя русскими писательницами — Екатериною II и княгинею Дашковою, былъ только ближайшимъ, внѣшнимъ поводомъ къ осуществленію того, что давно уже занимало умы образованнѣйшей части русскаго общества. Россійская Академія обязана своимъ существованіемъ возникшему у насъ стремленію къ поднятію уровня нашей образованности и къ развитію народнаго самосознанія. Въ основу Россійской Академіи положена цѣль просвѣтительная. *Просвѣщеніе*, какъ девизъ Академіи, символически изображалось въ видѣ *книги* на жетонахъ, раздаваемыхъ академикамъ послѣ каждаго засѣданія.

Понятіе *просвѣщеніе* весьма обширно, а потому и въ кругъ академическихъ занятій входили разнообразные предметы. Въ различные періоды своей дѣятельности, Россійская Академія такимъ образомъ опредѣляла предстоящіе ей труды и задачи: обогащеніе и очищеніе русскаго языка; составленіе русской грамматики, риторики и піитики; собираніе и изслѣдованіе русскихъ древностей; изученіе отечественныхъ лѣтописей; изданіе твореній знаменитыхъ русскихъ писателей; составленіе христоматіи, по которой можно бы наглядно ознакомиться съ исторіею русскаго языка; переводы на русскій языкъ классическихъ произведеній иностранныхъ писателей; критическіе разборы сочиненій русскихъ авторовъ и т. д. Та-

кое расширеніе круга академической дѣятельности находится въ связи съ тогдашнимъ уровнемъ научныхъ требованій и съ тогдашнимъ состояніемъ образованности вообще. Невольно вспоминается при этомъ, что въ восемнадцатомъ столѣтіи наша Академія Наукъ должна была исполнять обязанности и академіи наукъ въ собственномъ смыслѣ, и университета, и гимназіи, и академіи художествъ, а въ иныхъ случаяхъ и Правительствующаго Сената.

При всемъ разнообразіи предметовъ, главнѣйшимъ изъ нихъ для Россійской Академіи неизмѣнно оставался отечественный *языкъ*. *Грамматика* признаваема была могущественнымъ орудіемъ *просвѣщенія*. Она изображалась, на академическихъ жетонахъ, въ видѣ *ключа премудрости*, повѣшеннаго на земномъ шарѣ и отверзающаго путь къ *просвѣщенію*.

Мысль объ особомъ, самостоятельномъ учрежденіи, посвященномъ разработкѣ *отечественнаго языка*, неоднократно возникала, въ прошломъ столѣтіи, въ немногочисленномъ кругу просвѣщенныхъ людей, дѣйствительно дорожившихъ судьбами русской литературы и образованности. Черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи Академіи Наукъ, въ стѣнахъ ея образовалось общество совершенно съ тѣми же цѣлями, какъ впослѣдствіи Россійская Академія: оно называлось *Россійскимъ Собраніемъ*. Непосредственнымъ предшественникомъ Россійской Академіи было *Вольное Россійское Собраніе*, учрежденное при Московскомъ университетѣ вскорѣ по введеніи тамъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалась потребность въ такомъ учрежденіи, какъ Россійская Академія. Эти достопамятные года ознаменованы открытіемъ цѣлаго ряда училищъ, выработкою системы народнаго образованія, просвѣтительною дѣятельностью Новикова и другими выдающимися явленіями въ исторіи русской образованности. Чувство народнаго самосознанія находило себѣ удовлетвореніе въ открытіи учено-литературнаго общества, посвященнаго отечественному языку и отечественной исторіи. По убѣжденію образованнѣйшихъ людей того времени, «первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія есть языкъ народный», и если наука будетъ говорить «не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ», то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ». Въ занятіяхъ отечественною исторіею, въ изученіи памятниковъ старины учредители академіи видѣли

необходимое условіе для развитія въ народѣ сознательной любви къ отечеству.

Самый выборъ членовъ въ Россійскую Академію привлекалъ къ ней сочувствіе и уваженіе общества. Въ академики избраны были всѣ замѣчательнѣйшіе представители тогдашней литературы и науки: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Болтинъ, князь Щербатовъ и др. И по выбору членовъ, и по своимъ стремленіямъ Россійская Академія находилась въ тѣснѣйшей связи съ «Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова» — журналомъ, имѣющимъ такое значеніе въ исторіи нашей литературы и основаннымъ въ томъ же (1783) году, какъ и Россійская Академія. Основательницею «Собесѣдника» была княгиня Дашкова; редакторомъ — Козодавлевъ; сотрудниками — Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ и другіе писатели, избранные въ Члены Россійской Академіи при самомъ ея учрежденіи. Писатели, участвовавшіе въ «Собесѣдникѣ», выражали надежду, что при помощи этого журнала, русскій языкъ очистится, значеніе словъ опредѣлится, русскія сочиненія размножатся и разовьется любовь къ русской народности. Тѣми же надеждами были одушевлены и члены Россійской Академіи. Столѣтіе ея совпадаетъ съ столѣтіемъ «Собесѣдника», и, чествуя столѣтнюю годовщину Россійской Академіи, мы тѣмъ самымъ чествуемъ память писателей, участвовавшихъ въ «Собесѣдникѣ».

Лучшею порою въ академической жизни были безспорно первые года существованія академіи. Но обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, когда у насъ — говоря словами одного изъ членовъ Россійской Академіи — стало входить въ обычай распускать зонтики сей часъ же, какъ только заслышатъ, что въ Парижѣ идетъ дождь или надвигаются тучи. Во Франціи литераторы затрогивали политическіе вопросы: вслѣдствіе этого и у насъ стали подозрительно смотрѣть на литературныя общества. Къ общимъ причинамъ присоединились и особенныя, по отношенію къ Россійской Академіи. Немедленно по вступленіи на престолъ преемника Екатерины II, предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова, была удалена отъ дѣлъ и сослана — за свое участіе въ іюньскихъ событіяхъ 1762 года. Въ первомъ, въ царствованіе Павла I, собраніи Россійской Академіи прочитанъ указъ объ увольненіи княгини Дашковой, а во второмъ — указъ о прекращеніи отпуска суммы на содержаніе академіи. Хотя Россійская Академія и не была оффиціально

закрыта, но она сдѣлалась учрежденіемъ опальнымъ, и дѣятельность ея остановилась на полупути. Произведенія въ родѣ тѣхъ, за которыя въ былыя времена осыпали академиковъ милостями, оказались до того не въ духѣ времени, что съ авторами ихъ боялись встрѣчаться не только въ академическихъ собраніяхъ, почти непосѣщаемыхъ, но и въ обществѣ.

Привѣтствуя воцареніе Александра I, членъ Россійской Академіи, знаменитый поэтъ, влагаетъ въ уста Екатерины слѣдующія строки, весьма любопытныя въ историческомъ отношеніи:

Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя;
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли, —
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Императоръ Александръ I, считавшій себя истиннымъ преемникомъ Екатерины, возвратилъ Россійской Академіи ея прежнее достояніе и назначилъ ей новыя суммы частію изъ Государственнаго казначейства, частію изъ Кабинета. Внѣшнія удобства, матеріальныя средства могли быть возстановлены однимъ почеркомъ пера. Но какимъ образомъ вызвать внутреннюю силу, вложить живую душу въ учрежденіе, задержанное въ своемъ развитіи при самомъ его началѣ? Откуда было взять другую Дашкову, другого Лепехина, другого Болтина?

Предсѣдателемъ возобновленной академіи назначенъ престарѣлый Нартовъ, мирно доживавшій свой вѣкъ въ академической средѣ, удаленной отъ всякихъ житейскихъ тревогъ. По смерти Нартова бразды правленія перешли къ Шишкову, который игралъ главную роль въ академіи еще при своемъ предшественникѣ. Въ апрѣлѣ 1813 года умеръ Нартовъ, а въ маѣ 1813 года президентомъ Россійской Академіи назначенъ Шишковъ. Въ этомъ званіи онъ оставался до конца дней своихъ; со смертію его прекратилось и самое существованіе Россійской Академіи. Въ теченіе почти тридцати лѣтъ судьба академіи положительно была въ рукахъ Шишкова, принадлежавшаго безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени.

При обычной безцвѣтности нашей общественной жизни, люди, подобные Шишкову, невольно привлекаютъ къ себѣ и вниманіе, и

сочувствіе. Искренность убѣжденія соединялась въ немъ съ благородною смѣлостью не скрывать правды ни передъ кѣмъ и никогда не измѣнять суровымъ требованіямъ долга. Съ необыкновенною настойчивостью, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ защищалъ онъ справедливое дѣло, и не было силъ удержать его отъ разоблаченія истины. Такимъ борцомъ за правду являлся онъ всюду — и въ частныхъ совѣщаніяхъ съ вліятельными сановниками, и въ горячихъ преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. По этому поводу онъ самъ выразился такимъ образомъ: «я никогда не вступаюсь за себя— брани меня кто хочетъ; но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу мо́лчать».

Закаленный для борьбы съ сильными противниками, Шишковъ обращался въ деспота при столкновеніи съ лицами, которыя не рѣшались дать отпора и безпрекословно уступали при первомъ натискѣ. Если перенестись мысленно въ тогдашнія засѣданія Россійской Академіи, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на присутствующихъ рѣзкіе, рѣшительные приговоры Шишкова въ области, особенно дорогой его сердцу, т. е. въ славяно-русской филологіи. Шишковъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что *языкъ* долженъ составлять завѣтную святыню не только для ученыхъ и писателей, но и для каждаго *человѣка* и *гражданина*. Съ одинаковымъ жаромъ онъ возставалъ и противъ невѣрныхъ выводовъ въ дѣлѣ о декабристахъ, и противъ неправильнаго употребленія глагола или дѣепричастія. Въ приливѣ негодованія онъ восклицаетъ: «нѣтъ возможности не скорбѣть, видя *языкъ* искаженнымъ и *правду* попираемою ногами».

Деспотизмъ Шишкова отозвался весьма невыгодными послѣдствіями и на академической дѣятельности, и на академической жизни. Для процвѣтанія литературнаго общества необходимо привлекать въ его среду самые крупные таланты, а Россійская Академія въ лицѣ своего вождя, вступила съ ними въ открытую войну, и желая выставить имъ соперниковъ, искусственно создавала «маленькихъ-великихъ» писателей. При оцѣнкѣ ученo-литературныхъ трудовъ выдвигались на первый планъ произведенія президента, при чемъ торжественно заявляемо было что самъ прусскій король назвалъ ихъ знаменитыми, а профессора одного нѣмецкаго университета обѣщали руководствоваться сочиненіями Шишкова въ своихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ. Если бы нѣмецкіе филологи сдержали свое обѣщаніе, то они должны были бы слово *кабинетъ* считать передѣлкою русскаго: *какъ бы нѣтъ*, а слово *плѣшь* произ-

водить отъ глагола *пляшу*, какъ мѣсто гладкое, весьма удобное для пляски, и т. п.

Мы не скрыли темныхъ сторонъ преждевременно состарѣвшагося учрежденія. Въ чемъ же заключаются его свѣтлыя стороны?

Самое большое количество свѣта выпало на долю перваго, екатерининскаго, періода Россійской Академіи. Поставивъ ясно и опредѣленно главную цѣль своихъ занятій, академики дружно принялись за обширный и капитальный трудъ, — приступили къ составленію словаря русскаго языка. Выборъ источниковъ и распредѣленіе работъ сдѣланы были весьма разумно. Матеріалы для словаря извлекались изъ произведеній писателей и изъ живого языка народа; собирались слова областныя, мѣстныя, относящіяся къ народному быту, къ различнымъ промысламъ, ремесламъ и т. п. Собранное пересматривалось, провѣрялось и приводилось въ систему. Надо отдать справедливость тогдашней академіи: она умѣла соединить въ себѣ лучшихъ знатоковъ дѣла. Кто вѣрнѣе Румовскаго, Лепехина, Озерецковскаго, Котельникова могъ объяснить научныя понятія и названія, относящіяся къ области математическихъ и естественныхъ наукъ? Къ кому же было обращаться съ спорными вопросами по русской исторіи и древностямъ, какъ не къ членамъ Россійской Академіи: Болтину, князю Щербатову, Оленину, Мусину-Пушкину и т. д.? О достоинствѣ словаря необходимо судить сравнительно, т. е. принимать въ соображеніе тогдашнее состояніе филологіи не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ вообще. И въ этомъ отношеніи словарь Россійской Академіи является трудомъ замѣчательнымъ, дѣлающимъ великую честь его составителямъ. По окончаніи главнаго своего труда Академія приступила къ работамъ по новому словарю, расположенному въ азбучномъ порядкѣ, и къ составленію русской грамматики. Предпріятія эти приведены къ окончанію въ слѣдующій періодъ.

Несмотря на всѣ невзгоды, пережитыя Академіею во второмъ періодѣ ея существованія, въ ней не исчезли окончательно лучшія преданія ея славнаго прошлаго.

Россійская академія постоянно вносила свои вклады въ нашу повременную литературу. О дѣятельности Россійской Академіи можно судить по слѣдующимъ ея изданіямъ, появившимся съ 1805 по 1840 годъ:

Сочиненія и переводы Россійской Академіи.

Извѣстія Россійской Академіи.

Повременное изданіе Россійской Академіи.

Краткія записки Россійской Академіи.

Труды Императорской Россійской Академіи.

Въ этотъ же періодъ Академія предприняла новое изданіе словаря, для котораго и было обработано академиками около пятидесяти тысячъ словъ.

Благодаря Россійской Академіи появились въ свѣтъ труды весьма важные для русской литературы и науки.

Когда, со смертью графа Румянцова, прекратилось изданіе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Россійская Академія предоставила свои средства для продолженія изданія.

Россійская Академія предприняла чрезвычайно важное по отношенію къ русской исторіи изданіе, въ русскомъ переводѣ, византійскихъ и западно-европейскихъ лѣтописцевъ, а также и исландскихъ сагъ.

Россійскою Академіею изданы: Книга большому чертежу; Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго, Карамзина, составленный Строевымъ; Иліада Гомера въ переводѣ Гнѣдича, и т. д.

При всей своей неподатливости, Шишковъ долженъ былъ уступить общественному мнѣнію, и въ члены Россійской Академіи избраны самыя крупныя величины тогдашняго литературнаго міра Карамзинъ, Жуковскій и, наконецъ, Пушкинъ. Въ тотъ же періодъ Россійской Академіи избраны въ академики Сперанскій и Уваровъ. Поворотъ къ лучшему высказался и въ томъ, что Академія присудила большія золотыя медали: Карамзину, Дмитріеву, Крылову и Жуковскому. Шишковъ, нѣкогда ожесточенный противникъ Карамзина и его послѣдователей, написалъ о Карамзинѣ сочувственную статью, которая и была прочитана въ засѣданіи Россійской Академіи. Пушкинъ, присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, говоритъ: «невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искренія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю».

Обращаясь къ академической жизни, замѣтимъ, что Россійская Академія въ ея первыя времена была едва ли не единственнымъ у насъ учрежденіемъ, въ основу котораго положено начало равноправности, сглаживающее и ослабляющее сословную рознь. Въ Россійской Академіи сходились братски, какъ совершенно равные другъ другу: вельможи, сановники, сильные міра и самый бѣдный людъ, скромные труженики, занимавшіе едва замѣтныя мѣста въ служебной іерархіи. Приходскій священникъ, не смѣвшій возражать консисторскому чиновнику, сидѣлъ рядомъ съ первенствующимъ

членомъ Св. Синода и свободно высказывалъ свои мнѣнія, не боясь угрозъ и преслѣдованій въ случаѣ разногласія съ начальствомъ. Отличительною чертою академической жизни было отсутствіе бюрократическихъ тисковъ. Академія не имѣла даже формальнаго устава. Когда зашла рѣчь объ учрежденіи Россійской Академіи, Екатеринѣ предлагали приказать своимъ статсъ-секретарямъ представить планъ французской, берлинской и разныхъ другихъ академій; но Екатерина нашла это совершенно излишнимъ, и утвердила, вмѣсто всякаго устава, тѣ немногія строки, которыя Дашкова набросала въ одинъ присѣсть, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговора съ государынею-писательницею.

Основныя начала, проявлявшіяся въ академической жизни въ ея лучшія времена, оказывали свое благотворное вліяніе и впослѣдствіи. Имѣя оффиціальное право раздавать награды по собственному усмотрѣнію, Шишковъ писалъ Аракчееву, что онъ «не осмѣлится» представлять государю о наградѣ писателю до тѣхъ поръ, пока труды этого писателя не будутъ оцѣнены въ Россійской Академіи: иначе — прибавляетъ Шишковъ — «награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиваніе и угожденіе». Когда лицо, занимавшее одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ министерствѣ, сдѣлало академіи замѣчаніе съ цѣлью «*предварить* распространеніе заблужденій», Шишковъ счелъ это за вызовъ, брошенный академіи, и, въ качествѣ президента академіи, послалъ весьма рѣзкій отвѣтъ съ обычною примѣсью іроніи. Министерскіе чиновники — пишетъ Шишковъ — могутъ *предварять* заблужденія ученыхъ, но только въ томъ смыслѣ слова, что сами могутъ *предварительно* впадать въ заблужденія, предоставляя другимъ слѣдовать, если пожелаютъ, поданному примѣру.

Какъ основаніе Россійской Академіи, такъ и соединеніе ея съ Академіею Наукъ не зависѣло отъ причинъ болѣе или менѣе случайныхъ. Связь между двумя учрежденіями существовала издавна, и все клонилось къ тому, чтобы они слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Въ первые года своего существованія Россійская Академія находилась въ живомъ общеніи съ Академіею Наукъ. Почти всѣ русскіе ученые, бывшіе въ то время членами Академіи Наукъ, из-

браны и въ члены Россійской Академіи. Впослѣдствіи связь между двумя, по существу своему однородными, учрежденіями ослабѣла, и это обстоятельство оказало невыгодное вліяніе на судьбу, какъ той, такъ и другой академіи. Россійская Академія черезчуръ расширила кругъ своихъ занятій къ явному ущербу ихъ научнаго достоинства. Въ Академіи Наукъ стало рѣзче обнаруживаться господство бюрократическаго начала и прискорбное для русскихъ ученыхъ отчужденіе отъ всего русскаго. Доказательствомъ этому служатъ данныя, приводимыя самими академиками въ достопамятномъ письмѣ ихъ къ императору Александру I. Соединеніе двухъ академій въ одну принесло каждой изъ нихъ своего рода пользу. Преобразованная Россійская Академія устранила отъ себя все то, что не соотвѣтствовало ученому учрежденію, и, не желая быть законодательницею въ изящной словесности, поставила главною своею задачею разработку научныхъ вопросовъ. Академія Наукъ выиграла и въ матеріальномъ, и въ научномъ отношеніи. Россійская Академія уступила Академіи Наукъ изъ своихъ собственныхъ средствъ четыреста тысячъ рублей на постройку Пулковской Обсерваторіи. Нравственное пріобрѣтеніе состояло въ томъ, что тѣснѣе завязывалась связь между Академіею Наукъ и умственною жизнію Россіи, и падали преграды, не дозволявшія русскимъ ученымъ вступать въ академическую среду. Россійская Академія дала Академіи Наукъ въ лицѣ Востокова такую научную силу, которою по справедливости могла гордиться русская наука. Имя Востокова занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей Академіи Наукъ, подобно именамъ Эйлера, Ломоносова, Палласа, Лепехина, Бэра и ихъ достойныхъ сподвижниковъ на ученомъ поприщѣ. Припомнимъ при этомъ, что и Павскій, и Срезневскій, и Буслаевъ, и даже *Соловьевъ* избраны были въ члены преобразованной Россійской Академіи, получившей названіе Отдѣленія русскаго языка и словесности или *Второго Отдѣленія Академіи Наукъ*.

Россійская Академія преобразована во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ въ 1841 году. Преобразованіе совершилось по волѣ императора Николая Павловича. Весьма любопытно, что императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и настоятельно требовалъ, чтобы оно скорѣе приведено было къ окончанію.

Президентъ Россійской Академіи Шишковъ скончался въ ночь съ 9-го на 10 апрѣля 1841 года. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова о смерти Шишкова государь написалъ:

«Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ образовать три академіи, а именно: *Академію Наукъ* въ тѣсномъ смыслѣ (sciences exactes), *Академію Русской Словесности* и *Академію Исторіи и Филологіи.* Всѣ три академіи должны составлять одно цѣлое подъ названіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ ходатайствовалъ о назначеніи наслѣдника цесаревича *канцлеромъ* Соединенныхъ Академій, подобно тому, какъ самъ императоръ Николай I, будучи великимъ княземъ, былъ нѣкоторое время *канцлеромъ* Абовскаго университета. Государь не одобрилъ проекта, представленнаго Уваровымъ, и повелѣлъ: «подъ общимъ названіемъ *Императорской Академіи Наукъ* составить три отдѣленія: *первое* — собственно Академія Наукъ (sciences exactes); *второе* — Отдѣленіе словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская Академія; *третье*—Отдѣленіе Исторіи и Древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую комиссію». Вслѣдствіе этого учрежденъ былъ комитетъ для составленія общаго устава Академіи Наукъ. Предсѣдателемъ комитета назначенъ вице-президентъ Академіи Наукъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, а членами: со стороны Россійской Академіи — Востоковъ и Языковъ, а со стороны Академіи Наукъ — Френъ и Фусъ. По проекту, составленному комитетомъ, полагалось въ Словесномъ Отдѣленіи восемь *ординарныхъ академиковъ* и пятнадцать *почетныхъ академиковъ.* Изъ восьми ординарныхъ академиковъ два — для славянскихъ нарѣчій: одинъ — для болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и хорутанскаго, другой—для польскаго, чешскаго и словацкаго. Почетные академики избираются преимущественно изъ «знаменитѣйшихъ русскихъ писателей», а отчасти также изъ иностранныхъ ученыхъ, стяжавшихъ особенную славу на поприщѣ славянской словесности и языкознанія. По поводу избранія писателей въ почетные академики комитетъ высказался слѣдующимъ образомъ: «достоинство самаго учрежденія и польза словесности требуютъ, чтобъ вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, Отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. писателей, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны Словесному Отдѣленію Академіи практическою своею опытностію въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами».

Государь находилъ, что дѣло ведется медленно, и на одной изъ докладныхъ записокъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи, я все жду». 14 октября 1841 года написаны эти слова, а 19 октября 1841 года дѣло было не только представлено государю, но и послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, на имя министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣвающій «присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго *Отдѣленія русскаго языка и словесности*». Тогда же утверждено государемъ и «Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности». Въ «положеніи» сказано, что «Академія Наукъ раздѣляется на три отдѣленія, въ числѣ коихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности занимаетъ второе мѣсто» и что Отдѣленіе русскаго языка состоитъ изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ. При первомъ образованіи своемъ Отдѣленіе состояло почти исключительно изъ членовъ Россійской Академіи. Въ числѣ первыхъ шестнадцати академиковъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности находилось четырнадцать членовъ Россійской Академіи, а именно: митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ, Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій, Арсеньевъ, Бутковъ, Каченовскій, Михайловскій, В. И. Панаевъ, Погодинъ, князь П. А. Ширинскій-Шахматовъ и Д. И. Языковъ. Сверхъ того тогда же назначены академиками: Плетневъ и И. И. Давыдовъ, и адъюнктами: Бередниковъ, Розбергъ, Строевъ и Шевыревъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности приняло на себя дальнѣйшую разработку тѣхъ вопросовъ науки, которые были поставлены или только намѣчены Россійскою Академіею.

Къ числу главнѣйшихъ трудовъ и предпріятій, завѣщанныхъ Россійскою Академіею своему преемнику, принадлежитъ: составленіе словаря и грамматики, основаніе научнаго журнала или сборника, изданіе произведеній отечественныхъ писателей и т. п.

Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности составленъ и изданъ, въ 1847 году, обширный, въ четырехъ томахъ, Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Отдѣленіемъ же изданы:

Опытъ Областного великорусскаго словаря. 1852.

Дополненіе къ Областному великорусскому словарю. 1858.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. 1870.

Сербско-русскій словарь. 1870.

Составленіе грамматики, считавшееся довольно легкимъ дѣломъ въ доброе старое время, когда придумывались *правила* для языка, потребовало чрезвычайныхъ усилій со стороны людей науки, отры-

скивающихъ *законы* языка посредствомъ наблюденій надъ безчисленнымъ рядомъ данныхъ, подлежащихъ научному изслѣдованію. О томъ, что сдѣлано Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности для научной разработки отечественнаго языка, можно судить по филологическимъ трудамъ членовъ Отдѣленія: Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Ягича и др. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ этихъ трудовъ:

Мысли объ исторіи русскаго языка, Срезневскаго.

Филологическія Разысканія, Грота.

Историческая грамматика, Буслаева и т. д.

Живою лѣтописью трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ служатъ его повременныя изданія, а именно:

Извѣстія Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности (1852—1862). Десять томовъ, изъ шести выпусковъ каждый, съ прибавленіями:

1) Матеріалы для словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій.

2) Памятники и образцы народнаго языка и словесности.

Ученыя записки второго Отдѣленія Академіи Наукъ (1854—1863). Семь книгъ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности (1868—1883) Тридцать одинъ томъ.

«Извѣстія» и «Ученыя Записки» выходили подъ редакціею академика И. И. Срезневскаго. «Сборникъ» выходилъ и выходитъ подъ редакціею академика Я. К. Грота.

Для историко-литературныхъ изслѣдованій необходимо изданіе писателей, удовлетворяющее научнымъ требованіямъ. Многотомное изданіе сочиненій Державина останется навсегда памятникомъ литературной дѣятельности поэта и ученой пытливости издателя академика Грота. Трудъ, совершенный академикомъ Гротомъ по изданію Державина, совершенно справедливо называютъ подвигомъ, еще небывалымъ въ нашей литературѣ. Объяснительныя примѣчанія Я. К. Грота къ сочиненіямъ Державина составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе русской науки.

Въ самомъ выборѣ живыхъ силъ для академической дѣятельности можно замѣтить связь между Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности и лучшими преданіями Россійской Академіи. Къ числу такихъ преданій слѣдуетъ отнести стремленіе сблизиться съ умственною жизнью славянскаго міра и призвать въ русскую ученую среду выдающихся дѣятелей науки между западными и южными Славя-

нами. Россійская Академія находилась въ сношеніяхъ съ славянскими литературными обществами, какъ, напримѣръ, съ Матицей Сербской и т. п., дала средства Караджичу для путешествія по славянскимъ землямъ; отправила Венелина въ «ученое путешествіе по Болгаріи, странѣ классической для историковъ и филологовъ славянскихъ»; приглашала переселиться въ Россію Шафарика, Челяковскаго, Ганку и т. д. Мысль объ изученіи славянства по вызовѣ славянскихъ ученыхъ встрѣтила живое сочувствіе въ ученомъ, составлявшемъ славу нашей Академіи Наукъ, въ знаменитомъ Бэрѣ. Когда въ Академіи Наукъ зашла рѣчь объ учрежденіи каѳедры для изученія языковъ и народовъ *не славянскаго* племени, обитающихъ въ Россіи, Бэръ доказывалъ, что сравнительное изученіе языковъ и народовъ *славянскаго* племени *еще важнѣе для Россіи*, и что приглашеніе западно-славянскаго ученаго составляетъ прямую и жизненную потребность нашей Академіи Наукъ. Завѣтной мысли Россійской Академіи суждено осуществиться только въ наше время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ избранъ въ академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности западно-славянскій ученый И. В. Ягичъ. Мы убѣждены, что самъ патріархъ славянской филологіи Востоковъ благословилъ бы нашъ выборъ, а научная высота, на которой находится избранный нами, привлекла бы къ нему искреннее сочувствіе незабвеннаго Бэ̄ра.

Не ограничиваясь выборомъ людей науки, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, подобно Россійской Академіи, дорожитъ своимъ правомъ избирать въ члены академіи писателей-художниковъ, которыми по справедливости гордится современная намъ литература. Высоко цѣня литературныя дарованія и заслуги, Отдѣленіе избрало въ свои члены-корреспонденты: Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, графа Льва Толстого, Майкова Островскаго и другихъ писателей.

Связующимъ началомъ между писателями-художниками и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности да послужитъ любовь къ родному языку, доходившая до благоговѣнія и въ Пушкинѣ, и въ его ученикѣ, Тургеневѣ. Такой же взглядъ на языкъ, какъ на народную святыню и драгоцѣннѣйшій залогъ нашей народности исповѣдывали и проповѣдывали наиболѣе выдающіеся представители Россійской Академіи.

Русская научная терминологія, по различнымъ отраслямъ знаній, создана преимущественно членами Россійской Академіи. Они неуклонно стремились къ тому, чтобы наука въ Россіи говорила

по-русски, и чтобы свѣтъ ея распространялся въ русскомъ обществѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи призываемы были къ трудамъ по народному образованію и оставили глубокіе, неизгладимые слѣды своей просвѣтительной дѣятельности. Самые смѣлые и самые разумные голоса въ защиту свободы изслѣдованія и печатнаго слова принадлежали членамъ Россійской Академіи.

Само собою разумѣется, что и въ Россійской Академіи, какъ и во всякаго рода обществахъ, были и свѣтлыя, и темныя черты, было и благо и зло, т. е. и достоинства и недостатки. Но несправедливо бѣлое называть чернымъ, отрицая прямыя и несомнѣнныя заслуги. Дѣйствительныя свѣтила Россійской Академіи были безспорно и свѣтилами современной имъ русской литературы и науки. Имъ по праву принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи русской образованности. Признавая значеніе свѣтилъ, не станемъ осуждать и ихъ скромныхъ спутниковъ, желавшихъ принести посильную пользу обществу. Не жесткимъ укоромъ, а словомъ сочувствія и благодарности помянемъ въ этотъ день всѣхъ добросовѣстно потрудившихся въ учрежденіи, посвященномъ отечественному языку и словесности:

Всѣмъ честію — предшественникамъ нашимъ —
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Затѣмъ на каѳедру взошелъ Я. К. Гротъ и сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе:

«Будучи обязанъ, на основаніи правилъ объ академическихъ преміяхъ представить отчетъ о бывшемъ въ нынѣшнемъ году соисканіи премій А. С. Пушкина, нелишнимъ считаю припомнить въ немногимъ словахъ обстоятельства недавняго учрежденія этихъ премій и перваго присужденія ихъ въ минувшемъ году.

Изъ собранныхъ на сооруженіе памятника великому поэту, подпискою по всей Имперіи, 100,000 рублей, оставалось, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ на это предметъ, 20,000. Чтобы рѣшить, какое дать назначеніе этой суммѣ, комитетъ по сооруженію памятника Пушкину пригласилъ къ соучастію въ своихъ совѣщаніяхъ нѣсколько лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, изъ круга литераторовъ и ученыхъ. По внимательномъ обсужденіи разныхъ предположеній, это собраніе, происходившее въ январѣ 1881 года, пришло къ заключенію, что самымъ достойнымъ памяти знаменитаго

поэта употребленіемъ образовавшагося капитала будетъ учрежденіе при Академіи Наукъ преміи за изслѣдованія по исторіи языка и литературы, а также за сочиненія по изящной словесности, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

Вслѣдствіе того и была основана, съ Высочайшаго соизволенія, ежегодная премія въ 1,000 рублей, могущая быть раздѣляема и на двѣ половинныя, каждая въ 500 руб. На первомъ конкурсѣ, бывшемъ въ 1882 году, преміею имени нашего величайшаго поэта Академіи довелось увѣнчать поэтическіе труды двухъ давно снискавшихъ блестящую извѣстность писателей: А. Н. Майкова, признаннаго заслуживающимъ полной преміи за поэму «Два міра», и Я. П. Полонскаго, получившаго половинную премію за сборникъ стихотвореній, изданный имъ подъ заглавіемъ: «На закатѣ».

На бывшій въ текущемъ году второй конкурсъ было представлено *три* сочиненія и *два* перевода замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній. Изъ числа первыхъ одно оказалось неподходящимъ подъ категорію трудовъ, допускаемыхъ на соисканіе этихъ премій, и было устранено.

Разборъ остальныхъ четырехъ трудовъ, на основаніи правилъ о Пушкинскихъ преміяхъ, приняли на себя: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, профессоръ Московскаго университета Н. И. Стороженко, докторъ исторіи всеобщей литературы Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный переводчикъ стихотворныхъ произведеній П. И. Вейнбергъ.

Къ участію въ окончательномъ обсужденіи представленныхъ трудовъ приглашены были въ засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности, 7-го сего октября, члены-корреспонденты Академіи Наукъ И. А. Гончаровъ и А. Н. Майковъ, затѣмъ В. П. Гаевскій и П. И. Вейнбергъ, какъ единственный бывшій на лицо литераторъ изъ числа названныхъ гг. рецензентовъ. За болѣзнію И. А. Гончарова, комиссія по присужденію Пушкинскихъ премій такимъ образомъ составилась изъ восьми членовъ, т.-е. пяти академиковъ и трехъ постороннихъ литераторовъ.

По прочтеніи имѣвшихся въ рукахъ Отдѣленія рецензій и выслушаніи сопровождавшихъ чтеніе разсужденій и замѣчаній, приступлено было къ закрытой баллотировкѣ каждаго изъ четырехъ подлежавшихъ разсмотрѣнію трудовъ отдѣльно; и въ результатѣ оказалось, что ни одинъ изъ этихъ трудовъ не соединилъ въ свою пользу требуемыхъ правилами двухъ третей всего наличнаго числа голосовъ.

Академія считаетъ пріятнымъ долгомъ публично выразить свою искреннюю признательность постороннимъ ученымъ и литераторамъ, обязательно принявшимъ участіе въ оцѣнкѣ подлежавшихъ суду ея сочиненій и переводовъ, и, кромѣ того, съ особеннымъ удовольствіемъ пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, Академія, въ знакъ своей благодарности за доставленныя Отдѣленію обстоятельныя рецензіи, присудила золотыя медали гг. Буличу, Веселовскому и Вейнбергу».

Послѣ этого заявленія академикъ Я. К. Гротъ пригласилъ прибывшихъ въ Академію гг. депутатовъ съ привѣтственными адресами прочесть ихъ. Первая къ президентскому столу приблизилась депутація отъ Петербургскаго университета. Во главѣ ея находился исправляющій должность ректора университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. Э. Янсонъ, который прочелъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Вспоминая съ глубокою благодарностію о плодотворной, слишкомъ полувѣковой дѣятельности Россійской Академіи, Императорскій С.-Петербургскій университетъ привѣтствуетъ ея достойнаго продолжателя—II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ.

Прославленное незабвенными трудами Востокова, Срезневскаго и нынѣшнихъ дѣйствительныхъ его членовъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности расширило кругъ занятій Россійской Академіи и обогатило славяно-русскую филологію учеными подвигами и предпріятіями, которые займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской науки и образованности».

За Петербургскимъ университетомъ слѣдовала Петербургская Духовная Академія, имѣвшая здѣсь своего представителя, профессора М. О. Кояловича. Онъ прочелъ слѣдующій адресъ Духовной Академіи:

«Милостивые государи. Нѣкогда въ этомъ святилищѣ наукъ великій русскій человѣкъ—Ломоносовъ обозрѣвалъ орлинымъ своимъ взглядомъ сокровища русскаго слова; съ свойственнымъ ему ясновидѣніемъ онъ находилъ ихъ и въ живыхъ говорахъ русскаго народа, и въ родствѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и въ церковныхъ книгахъ, читаемыхъ въ нашихъ православныхъ храмахъ, и съ поражающею силою указывалъ на эти сокровища иноземцу Шлецеру, какъ бы на кладъ, скрывающійся передъ его чужеземными глазами, но открытый и самъ собою дающійся русскому человѣку. С.-Петербургская Духовная Академія вспоминаетъ нынѣ объ этомъ передъ вами, милостивые государи, давно ей близкими, вѣрными храните-

лями завѣтовъ великаго Ломоносова и всѣхъ достойныхъ его преемниковъ, и сердечно привѣтствуетъ васъ въ этотъ знаменательный день вашего историческаго служенія родинѣ. Да развивается и торжествуетъ наше богатое и любезное русское слово и въ вашихъ достойныхъ трудахъ и въ другихъ трудахъ, направляющихся къ вамъ для вашей высшей оцѣнки и покровительства, и во всѣхъ отрасляхъ знаній на великомъ и многолюдномъ пространствѣ нашего Отечества».

Слѣдующая депутація была отъ Императорскаго Александровскаго лицея. Глава ея, директоръ лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Н. Гартманъ прочелъ нижеслѣдующій адресъ отъ лицея:

«Императорскій Александровскій лицей привѣтствуетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, какъ вѣковое хранилище сокровищъ родного слова. Празднованіе столѣтія Россійской Академіи не можетъ быть чуждо лицею, воспитавшему величайшаго художника русскаго слова, воспитавшему старѣйшаго члена русскаго Отдѣленія Академіи, истолкователя громкихъ пѣснопѣній Державина.

«Всею душой присоединяясь къ настоящему торжеству, лицей желаетъ Отдѣленію многихъ вѣковъ существованія для служенія святому дѣлу возвеличенія русскаго слова: да растетъ и ширится русское слово, мощное и свободное!»

Этотъ адресъ, также, какъ и предыдущіе, былъ привѣтствованъ громкими рукоплесканіями.

По окончаніи чтенія адресовъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ привѣтственныя телеграммы: 1) отъ Московскаго университета, 2) Варшавскаго университета, 3) Московскаго общества любителей россійской словесности, 4) Московскаго юридическаго общества, 5) Ярославскаго Демидовскаго лицея, 6) отъ Министра Путей Сообщенія, генералъ-адъютанта Посьета, и привѣтствія другихъ лицъ.

Собраніе кончилось въ началѣ третьяго часа пополудни. Въ заключеніе академикъ Гротъ заявилъ, чтовъ даръ Академіи поднесена изданная художникомъ Бобровымъ брошюра съ текстомъ г. Божерянова: «Столѣтіе журнала Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». На первомъ листѣ этой брошюры изображены портреты, вверху нынѣ царствующихъ Государя и Государыни, а подъ ними императрицы Екатерины II, княгини Дашковой и Державина, и воспроизведена въ точности первая заглавная страница журнала, издававшагося въ 1783 г. при Академіи Наукъ.